

На плотях — эпизод 1 из 5

...Грузные тучи медленно ползут над сонной рекой; кажется, что они спускаются все ниже и ниже; кажется, что вдали их серые лохмотья коснулись поверхности быстрых и мутных весенних волн, и там, где они коснулись воды, встала до небес непроницаемая стена облаков, заградившая собою течение реки и путь плотам.

И волны, безуспешно подмывая эту стену, бьются о нее с тихим, жалобным рокотом, бьются и, отброшенные ею, разбегаются вправо, влево, где лежит сырая тьма весенней, свежей ночи.

Но плоты плывут вперед, а даль отодвигается пред ними в пространство, полное тяжелых облачных масс.

Берегов не видать их скрыла ночь и оттолкнули куда-то широкие волны разлива.

Река точно море. Небо над нею окутано облаками, тяжело, сыро и скучно.

Плоты скользят по воде быстро и бесшумно, а навстречу им из тьмы выдвигается пароход, выбрасывая из трубы веселую толпу искр и глухо ударяя по воде плицами колес...

Два красных фонаря на отводах все увеличиваются, становятся ярче, а фонарь на мачте тихо покачивается из стороны в сторону и таинственно подмигивает тьме.

Пространство наполнено шумом разбиваемой воды и тяжелыми вздохами машины.

По-оглядывай! раздается на плотях сильный грудной оклик.

У рулевых весел, на хвосте плота, стоят двое: Митя сын сплавщика, русский, хилый, задумчивый парень лет двадцати, и Сергей работник, хмурый, здоровый детина в рыжей бороде; из ее рамки выдаются крепкие, крупные зубы, не закрытые верхней губой, насмешливо вздернутой кверху.

Клади лево! снова сотрясает тьму громкий крик спереди плотов.

Знаем и сами, чего орешь? недовольно ворчит Сергей и, вздыхая, наваливается грудью на весло.

О-ух! Вороти крепчае, Митюк!

Митрий, упираясь ногами в сырые бревна, тянет к себе тонкими руками тяжелую жердь руль и хрипло кашляет.

Гни... бери левей!.. Черти, дьяволы! кричат спереди тревожно и озлобленно.

Ори! Твой-то чахлый сын соломину о колено не переломит, а ты его на руль ставишь, да и орешь потом на всю реку. Жаль было еще работника нанять кощею-снохачу. Ну, и рви теперь глотку-то!..

Сергей ворчит уже громко, очевидно, не опасаясь, что его услышат, и даже как бы желая этого...

Пароход мчится мимо плотов, с ропотом выметывая из-под колес пенистые волны. Бревна раскачиваются на воде, и скрученные из сучьев связи скрипят жалобным и сырым звуком.

Освещенные окна парохода смотрят на реку и плоты, как ряд огненных глаз, отражаются на взволнованной воде светлыми трепещущими пятнами и исчезают.

Волны сильно плещут на плоты, бревна прыгают, и Митрий, покачиваясь на ногах, крепко прижимается к рулю, боясь упасть.

Ну, ну! насмешливо урчит Сергей, заплясал! Вот отец-то гаркнет тебе опять... А то пойдет да всадит тебе в бок-то раза, тогда не так заплашешь! Бери право! Ой-ну! О-о!..

И упругими, как стальные пружины, руками Сергей мощно ворочает свое весло, глубоко разрывая им воду...

Энергичный, высокий, немного злой и насмешливый, он стоит так, точно прирос к бревнам босыми ногами, и в напряженной позе, готовый каждую секунду поворотить плоты, зорко смотрит вперед.

Ишь отец-то у тебя, как обнимат Марьку-то! Ну и дьяволы же! Ни стыда, ни совести! И чего ты, Митрий, не уйдешь куда от них, чертей поганных?.. а? Слышь, что ли?

Слышу! вполголоса говорит Митрий, не глядя туда, где Сергей, сквозь тьму, видит его отца.

Слышу-у! Эх ты, тюря! дразнится Сергей и хохочет. Дела! продолжает он, подзадориваемый апатией Митрия. Ну и старик черт! Женил сына, отбил сноху и прав! Старый галман!

Митрий молчит и смотрит назад по реке, где тоже образовалась стена густых облаков.

Теперь облака везде, и кажется, что плоты не плывут, а неподвижно стоят в этой густой и черной воде, подавленной тяжелыми темно-серыми грудями туч, упав в нее с неба, они заградили ей путь.

Река кажется бездонным омутом, со всех сторон окруженным горами, высокими до неба и одетыми густым покровом тумана.

Кругом томительно тихо, и вода точно ждет чего-то, слабо поплескивая на плоты. Много грусти и какой-то робкий вопрос слышится в этом бедном звуке, единственном среди ночи и еще более оттеняющем ее тишину...

Ветру бы теперь дунуть... говорит Сергей. Нет, не надо ветру ветер дождя нагонит, возражает он сам себе, набивая трубку.

Вспыхивает спичка, слышно хрипение в засоренном чубуке, и красный огонек,

то разгораясь, то угасая, освещает ныряющее во тьме широкое лицо Сергея. Митрий! раздается его голос. Теперь он менее угрюм, и в нем яснее звучит насмешливая нота.

А?